

в вопросы управления Петербургским инженерным училищем, находившимся в ведении Николая. Все это вместе и привело к полному крушению карьеры Магницкого. В январе—феврале 1826 г. была проведена строгая ревизия его дел и состояния Казанского университета, осуществленная генерал-майором П. Ф. Желтухиным, которая выявила многие упущения и недостатки в деятельности попечителя (в частности, нехватки денежных сумм). 6 мая 1826 г. Магницкий был уволен от должности попечителя Казанского учебного округа, а затем предан суду сената.

Этим же указом была упразднена введенная при Магницком должность директора университета, т. е. чиновника для полицейских и хозяйственных дел, являвшегося ставленником и информатором попечителя в университете. Руководство университетом вновь возлагалось на одного ректора. Причем временно ректору — профессору К. Ф. Фуксу — поручалось и управление учебным округом.

Семилетний период попечительства Магницкого тяжело сказался на жизни университета. Малейшие признаки свободомыслия подавлялись. За жизнью студентов и преподавателей был установлен постоянный церковно-полицейский надзор. Инструкции обязывали вести преподавание «в духе строгого благочестия», подчиняя науку религиозным положениям.

И хотя определенное расширение материальной части университета и осуществлялось, но в целом уровень научной жизни и преподавания упал. Сразу было уволено 9 профессоров; опасаясь подобных репрессий, многие профессора и преподаватели подчинились нелепым инструкциям.

В этой тяжелой обстановке Лобачевский вел напряженные научные исследования, осуществлял преподавание широкого круга физико-математических дисциплин и энергично участвовал в организационной деятельности. Магницкий ценил его как талантливого высокообразованного молодого ученого, успешно выполнившего ряд поручений по приобретению научного оборудования и научной литературы, по руководству физико-математическим отделением, по строительству. Но в последний год своего попечительства он изменил свое отношение к Лобачевскому, обвиняя его в дерзости, в своеолии, в нарушении инструкций, причем решил даже установить особый надзор за его поступками.

Таким образом, освобождение от опеки Магницкого Лобачевский должен был почувствовать с особой силой, и оно давало ему основание надеяться на дальнейшие более благоприятные условия для развития университета. Это в действительности и осуществилось, по крайней мере в первое десятилетие, но, конечно, прежде всего благодаря ему самому, благодаря его неустанным трудам на посту ректора.

Так сложилось парадоксальное положение — начало николаевской эпохи ознаменовалось для Казанского университета наступлением периода раскрепощения, т. е. освобождения от нелепых инструкций, и быстрого расцвета.

На общий тон речи, несомненно, повлиял и тот факт, что Лобачевский был одушевлен в эти годы своим замечательным научным открытием, созданием первой неевклидовой геометрии, роль и значение которой для развития не только математики, но и наук о природе он сознавал¹⁾.

Статью о своем открытии он представил физико-математическому отделению университета еще 7 февраля 1826 г. для опубликования в предполагаемом издании «Ученых записок» (она была рассмотрена на заседании отделения 11 февраля 1826 г.) и продолжал дальнейшую разработку своей теории, требовавшую немалых усилий (первая его публикация, сочинение «О началах геометрии», как известно, появилась позднее, в 1829—30 гг.; текст первоначальной статьи туда вошел как первая его треть).

Новый попечитель Казанского учебного округа Михаил Николаевич Мусин-Пушкин, назначенный 24 февраля 1827 г., был помещиком Казанской губернии. Он не отличался гуманными взглядами или широким образованием, воспитывался и учился в домашних условиях и в 1810 г. сдал экзамены при Казанском университете, дававшие право лицам, не имеющим высшего образования, занимать государственные должности высокого класса²⁾. Затем он проходил военную службу и участвовал в походах 1812—1814 гг.

¹⁾ См. конец примечания [2] на стр. 23.

²⁾ См. Загоскин, II, стр. 366—367.